

И. И. Верняев

БУРЯТСКОЕ ОБЩЕСТВО И СИБИРСКИЙ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР МИХАИЛ СПЕРАНСКИЙ

В статье исследуются обстоятельства разработки М. М. Сперанским и его сотрудниками «Устава об управлении инородцев» 1822 г., анализируется модель устройства инородческих обществ, закрепленная в этом законодательном акте. В качестве сибирского генерал-губернатора М. М. Сперанский близко познакомился с хозяйством, бытом, социальными порядками, управлением, внутренними и внешними конфликтами бурят Забайкалья. Разбираясь с делами и обострившимися конфликтами в среде этнотерриториальной группы хори-бурят в Забайкалье, в 1820 г. М. М. Сперанский фактически взял на себя управление этим сообществом, сделал необходимые распоряжения, реформировал органы самоуправления этой бурятской группы. Впоследствии, в частности, на основании этого опыта кризисного управления разрабатывались положения «Устава об управлении инородцев» 1822 г. В статье рассмотрены базовые особенности законодательного акта. Сделан вывод о его сословной парадигме. Устав был направлен, с одной стороны, на сохранение относительной автономии аборигенных сообществ Сибири, с другой — на их интеграцию в социальное и экономическое пространство империи. Устав 1822 г., основываясь на бурятских реалиях, оформлял сословную группу «кочевых инородцев». Этот законодательный акт в «сохраняющем» своем аспекте (сословной категории), по сути, легализовал и систематизировал те практики, которые уже были у бурят как неотъемлемая часть их хозяйства, быта и самоуправления. Вопреки многочисленным попыткам ревизовать или отменить Устав фактически он продолжал действовать вплоть до начала XX в., а в некоторых своих аспектах и в дальнейшем. Устойчивость положений Устава 1822 г. заключалась в том, что он не ломал существующие, адаптированные структуры хозяйства, социальные практики и институты управления, а лишь упорядочивал их, осторожно вписывая в утверждавшуюся в России в этот период общеимперскую сословную модель. Библиогр. 22 назв.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, «Устав об управлении инородцев», Сибирь, буряты, сословное общество.

Для цитирования: Верняев И. И. Бурятское общество и сибирский генерал-губернатор Михаил Сперанский // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 1. С. 148–163. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.112

I. I. Verniaev

BURYAT COMMUNITY AND SIBERIAN GOVERNOR-GENERAL MIKHAIL SPERANSKY

The paper deals with circumstances of development 'The Native Statute' by M. M. Speransky and his coworkers in 1822. As Siberian Governor-General M. M. Speransky was closely acquainted with the life, economy, social rules, self-government, internal and external conflicts of Transbaikal Khori-Buryats. In 1820 dealing with the affairs and aggravated conflicts among the ethno-territorial Transbaikal Buryat community, Speransky in fact took over management of the group, made necessary arrangements, and reformed self-government. Subsequently, on the basis of his crisis management experience Speransky developed provisions of 'The Native Statute'. In this paper basic features of 'The Native Statute' (1822) have been analyzed. Analysis reveals the estate paradigm of 'The Native Statute'. 'The

Верняев Игорь Иванович — кандидат исторических наук, приглашенный исследователь, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Российская Федерация, 197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7; vigoriv@mail.ru

Verniaev Igor Ivanovich — PhD in History, Research Fellow, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, 7, ul. Petrozavodskaya, St. Petersburg, 197110, Russian Federation; vigoriv@mail.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №15-18-00119).
© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

Native Statute' was aimed, on the one hand, at preserving the relative autonomy of indigenous communities, and on the other, to promoting their integration into the social and economic institutions of the empire. 'The Native Statute', based on the realities of the Buryats, designated the official social class of *'kochevye inorodtsy'* (nomads). This legislation in its 'conservational' aspect, in fact, legalized and codified the practice, which was already among the Buryats as an integral part of their way of life and government. Despite numerous attempts to revise and dissolve it, 'The Native Statute' remained effective until the early twentieth century. Stability of 'The Native Statute' was based on the fact that it, unlike many other legislation, did not break the existing adapted structure of the economy, social practices and institutions of self-governance, but merely arrange them, carefully fit into empire-wide estates model. Refs 22.

Keywords: М. М. Speransky, 'The Native Statute', Siberia, Buryats, estate society.

For citation: Verniaev I. I. Buryat community and Siberian Governor-General Mikhail Speransky. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, issue 1, pp. 148–163. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.112

В исследованиях, посвященных «Уставу об управлении инородцев» 1822 г. М. М. Сперанского, даны различные оценки этого законодательного акта, его идеологии, целевых установок, степени реализации и воздействия на жизнь коренных народов Сибири. Ряд исследователей указывал как на главную из его целей стремление сохранить хозяйственный строй и социокультурную самобытность коренных народов Сибири [Бахрушин 1929; Мурзина 1950; Миненко 1981]. Другие рассматривали Устав прежде всего как механизм унификации и интеграции инородческого населения Сибири, сближения с сословием государственных крестьян [Светличная 1957; Дамешек 1975; Хоч 1990]. Некоторые авторы полагали, что в реальности реформа Сперанского вообще не была воплощена в жизнь или показала свою несостоятельность [Ядринцев 1882; Шашков 1898; Прутченко 1899]. Часть исследователей, наоборот, указывала на устойчивость внедренных им принципов, которые были направлены как на сохранение многих аборигенных институтов, так и на их интеграцию в общеимперские институты [Hundley 1984; Конев 1995]. Для понимания логики Устава, его особенностей важно проследить как, при каких обстоятельствах, в каком контексте он формировался. В настоящей статье мы анализируем взаимодействие М. М. Сперанского с бурятским обществом, в ходе которого формировался прообраз Устава, а также итоговую модель данного законодательного акта. Этот анализ поможет оценить то, как Устав реализовывался и насколько был эффективен.

В ходе ревизии и реформ М. М. Сперанского в Сибири Байкальскому региону было уделено особое внимание в силу того, что он имел свои особенности в системе управления, являлся приграничным, и многие управленческие проблемы здесь проявлялись наиболее ярко. Кроме того, сам М. М. Сперанский, находясь на посту генерал-губернатора Сибири, имел возможность лично познакомиться с бытом и системой управления некоторых групп бурят. Кроме того, его помощник в проведении ревизии и разработке «Устава об управлении инородцев» 1822 г. сибиряк Г. С. Батеньков, будущий декабрист, также хорошо знал ситуацию именно в Прибайкалье. И, конечно, авторы реформ в своей модели преобразований в значительной мере учитывали обстоятельства, сложившиеся в этом регионе.

В начале XIX в. стал ярче проявляться ряд негативных сторон установившейся системы косвенного управления в Байкальском регионе. Существенное усиление нойонства (обобщающее наименование знатных, родовитых бурят, из которых

формировалась родовая администрация бурятских ведомств, низовых административных единиц), сдвиг всей системы управления, управленческих полномочий в сторону должностных лиц ведомств и родов в ущерб другим социальным институтам, слабая подконтрольность родоначальников и сверху (со стороны российской администрации), и снизу (со стороны самих бурятских сообществ), возрастающие конфликты между отдельными представителями нойонства стали причиной масштабных и массовых злоупотреблений родоначальников, недовольства ими со стороны простых улусников, возрастающего потока жалоб бурят русским властям. К тому же эти неурядицы происходили на фоне падения доходов казны от ясачного населения. Все это стало серьезным вызовом для имперской администрации и потребовало от нее вмешательства, изучения ситуации и реформирования системы управления.

Кроме того, реформа Сперанского должна была дать ответ на возросшее разнообразие в регионе — хозяйственное, социальное, этноконфессиональное. Это был ответ на факт внутренней социокультурной дифференциации аборигенных обществ и увеличение разнообразных пришлых сообществ, усложнение контактов между сообществами, формирование переходных групп, субгрупп, усложнение каналов взаимодействия и перемещения между группами. Управленческие категории и практики должны были прийти в соответствие с усложнившейся средой, причем двояким образом — с одной стороны, за счет усложнения самой системы управления, с другой — благодаря относительному упрощению управляемой социоэтноконфессиональной среды, ее «упаковкой» в обозримые и управляемые категории. По мере интеграции региона, развития транспортно-коммуникационной и административной инфраструктуры управление и используемые категории требовали большей системности.

В XVII–XVIII вв. система управления выстраивалась во многом стихийно, на основании отдельных прецедентов — договоров, инструкций, нормативных актов в отношении отдельных групп. В дальнейшем эти решения могли с большей или меньшей последовательностью распространяться на другие управляемые группы и территории. Но зачастую каждая группа коренного населения становилась в определенной мере отдельным объектом политики — с моделью управления, отличающейся своей спецификой. Так, например, среди бурят явной спецификой характеризовалась модель управления хоринских бурят Забайкалья. В целом управленческие практики в Предбайкалье и Забайкалье были во многом различными. Даже каждое бурятское ведомство имело свою специфику в системе управления, свой нормативный обычно-правовой кодекс. В такой относительной бессистемности, отсутствии полной унификации системы косвенного управления, были и свои плюсы. Этот подход отличался прагматичностью, позволяя учитывать специфику каждой группы коренного населения. Впрочем, дело не только в прагматичности. В условиях «недоуправления», недостатка управленческих ресурсов и инфраструктуры подобная гетерогенность управленческих практик была неизбежной, вынужденной, безальтернативной.

Реформу Сперанского в Сибири вообще и в Байкальском регионе в частности можно рассматривать как ответ на возросшее разнообразие, как попытку систематизации управляемого пространства, разработку и внедрение системы категорий для описания управляемого населения, выработку внутренних правил, прав и обя-

занностей для каждой системно выделенной категории, формирование управленческих моделей для каждой из них. По нашему мнению, эти задачи реформы находились в русле идущих тогда в целом в империи процессов оформления сословий — имперских категорий населения, с особым статусом, правами и обязанностями по отношению к империи, и системы сословий, с особым внутренним корпоративным управлением и самоуправлением. Системная сословная матрица должна была распространиться и на Сибирь, «вписать» в себя ее этноконфессиональное пространство. В ходе имперской экспансии сословной матрицы одновременно происходили как его «вписывание» в существующие ячейки матрицы, так и развитие, трансформация ее самой, формирование в ней новых ячеек или субъячеек — категорий и подкатегорий. Тем самым реформа Сперанского может рассматриваться как интеграционный проект — следующий шаг в интеграции этноконфессионального пространства Сибири и, в частности, Прибайкалья в общеимперское пространство.

В этой интеграции сочетались тенденции и сохранения автономии, и определенной унификации, поскольку сословная матрица предполагала не полную унификацию организуемого пространства, а унификацию внутри сословных ячеек, систематизацию разнообразия, в определенной мере его упрощение и легитимное подключение конструируемых сословных групп в имперское целое. В то же время программа сословной матрицы должна была оставлять каналы и механизмы мобильности — перехода людей и групп из одной категориальной сословной ячейки в другую. Кроме того, сословная система должна была сохранить открытость каналов функционально-горизонтального взаимодействия, легализовать и упорядочить их. В этом смысле сословная управленческая машина была более совершенной и сложной, чем излишне гетерогенная система косвенного управления с ее отчасти автономными, отчасти вообще изолированными вертикально интегрированными управленческими единицами. Сословная модель, как своего рода управленческая технология, способ категоризации социокультурного и административно-правового упорядочения усложняющегося общества, была определенным шагом вперед в интеграции имперского пространства. Но при этом следует учитывать, что в большинстве случаев, в частности и в Прибайкальском регионе, она не ломала радикально существующее разнообразие, уже установившиеся категории и управленческие практики, а лишь упорядочивала их, систематизировала и более или менее аккуратно вписывала в общую систему сословно-имперского управления.

Реформа М. М. Сперанского в Сибири, в том числе и в Байкальском регионе, началась в 1819 г. с ревизии. Первым делом новый генерал-губернатор попытался наладить систему «обратной связи» — так, как тогда ее понимали, — в виде жалоб. До этого такой канал информации о положении дел на окраине был для власти в значительной мере перекрыт. Еще в 1803 г. первому сибирскому генерал-губернатору Селифонтову была дана инструкция искоренить «дух ябеды». Губернатор Трескин запрещал писать и приносить жалобы. «Свободный голос в Сибири стал контрабандой», — сообщает В. И. Вагин. Перед началом ревизии Сперанский заверил местных жителей, что жалобы на местное начальство не являются преступлением и что снова есть «возможность их приносить». В Иркутске вся гербовая бумага была раскуплена — для написания жалоб. В Верхнеудинске зимой 1820 г., сообщил В. И. Вагин, хоринские тайша и родоначальники встречали обозревавшего Иркутскую губернию Сперанского уже с взаимными жалобами друг на друга

[Вагин 1872, с. 4–5, 34–35, 52, 94–96]. Кроме получения информации от жалобщиков Сперанский лично посетил кочевья некоторых групп бурят. В своем объезде Иркутской губернии в 1819–1820 гг. Сперанский побывал у селенгинских и хоринских бурят, познакомился с их хозяйством, бытом и управлением, посетил дацаны, встретился с хоринским тайшей Голсоновым [Вагин 1872, 54–57, 262–263].

Ревизия выявила масштабные злоупотребления как русских чиновников, так и родоначальников ясачного населения. Всего к следствию за те или иные преступления было привлечено 256 родоначальников бурятских ведомств [Дамешек 2012, № 7, с. 106]. О масштабах злоупотреблений говорят, например, следующие данные, выявленные ревизией Сперанского: бывший хоринский тайша Куванов обвинялся в незаконном сборе в 1818–1819 гг. более 127 тыс. руб.; в Тункинском ведомстве за три года до 1820 г. родоначальниками было незаконно собрано 70 тыс. руб., из них присвоено более 24 тыс. руб. [Вагин 1872, с. 98]. Кроме поборов родоначальники нередко принуждали простых улусников к выполнению различного рода отработок на себя (пасти скот, пахать поля, косить сено, заниматься перевозками и т. п.) [Вагин 1872, с. 268; Балданов 2005, с. 98]. Еще перед началом ревизии Сперанского в ряде бурятских ведомств произошли выступления простых улусников против злоупотреблений занимающих должности в самоуправлении представителей родовой знати [Качанов 2006, с. 26]. Выявленные злоупотребления, поток жалоб и выступления бурят наглядно продемонстрировали, что в системе самоуправления бурятских ведомств в прошлые десятилетия произошел сильный перекокс в сторону усиления власти и полномочий родоначальников в ущерб иным институтам.

Характерный случай произошел в хоринском ведомстве. В 1815 г. хоринским тайшей по наследству стал 17-летний Дымбыл Голсонов. Он был очень активным лидером и хотел преобразовать быт и обычаи своего народа, сам перенял русские привычки, одежду и быт, планировал креститься. Однако тайша проявил самоуправство и был уличен в растрате значительной суммы общественных средств ведомства. Примечательно, что собрание родоначальников проявило самостоятельность и отстранило его от должности тайши. Он был предан суду, но у него нашлись покровители среди высокого начальства в Петербурге, поддерживающие его намерения принять христианство. Голсонов был восстановлен в должности, но среди хоринцев распространилось неповиновение тайше.

В 1820 г. М. М. Сперанский собрал в Верхнеудинске хоринских родоначальников и в своей речи перед ними объявил о намерении для предотвращения впредь злоупотреблений выработать подробное положение об управлении хоринских родов, где, в частности, обозначить «с точностью пределы власти как главного тайши, так и частных тайшей и родоначальников», а также правила управления для степной конторы, порядок ее судопроизводства и расправы и правила сбора повинностей. Здесь же он отдал распоряжения об упорядочении внутреннего хоринского управления, расширив, в частности, коллегиальность в работе степной конторы. Сперанский распорядился организовать контору, включающую главного тайшу, родовых начальников и группу депутатов от улусов для разбора жалоб и вынесения решения по ним «по законам и обычаям бурятским, кратко, без обширного письменоводительства». При этом он указал «в сем присутствии, как и вообще конторе, решить дела по большинству голосов». Кроме того, Сперанский строго регламентировал расходы и утвердил смету на содержание хоринского управления [Вагин

1872, с. 263–270; Хори-буряты 1899, с. 49–52]. То есть, по сути, в 1820 г. здесь, прямо на месте, заранее основательно ознакомившись с хоринскими порядками и устройствами и выступив в роли своего рода кризисного управляющего хоринским ведомством, Сперанский презентовал основные направления будущего «Устава об управлении инородцев» и предвосхитил в своих конкретных распоряжениях относительно ближайших действий хоринского управления основные положения этого документа. Разбор хоринского дела послужил Сперанскому одним из важнейших источников разработки модели и конкретных положений «Устава об управлении инородцев». Первоначальный план разработать положение по управлению для хоринцев превратился затем в более обширный план по разработке законодательства для всех инородцев Сибири.

В деле тайши Голсонова проявилось крайне осторожное отношение Сперанского к форсированной христианизации бурят, что позже найдет выражение и в Уставе 1822 г. В частности, в связи с намерением хоринского тайши Голсонова креститься Сперанский писал в 1821 г. его покровителю князю Голицыну о том, что он против этого, обосновывая свою позицию следующим. Для бурят, по наблюдению Сперанского, «креститься — значит сделаться русским», т. е. переменить весь быт — «остричь косу, носить русское платье и вместо юрты жить в крестьянском доме... далее сего не восходят их понятия о вере». Церквей в Забайкалье всего две, они находятся на очень отделенном расстоянии, понимать и посещать службу невозможно. «Потому из числа крещенных бурят, довольно, впрочем, значительного, весьма мало таких, кои бы знали, почему они христиане. К перемене веры приводит их по большей части бедность, лишение стад, родовые обиды и, что все сожальнее, учиненные ими преступления и желание избыть от наказания». Крещение и перемена образа жизни родоначальником может вызвать негодование у сородичей и лам из-за «изменения веры и отечественных обычаев». Кроме того, Сперанский приводил аргумент против ускоренной христианизации, связанный с сообщениями приграничной безопасности: «Здесь нельзя не заметить, что хоринцы прилегают к китайской границе и спокойствие их должно быть тщательно охраняемо не токмо по уважению собственного их благосостояния, но и по уважениям пограничным. Каждое движение между ними не может быть принято равнодушно для соседей их и однородцев, в смежной с ними Китайской Монголии обитающих». Голсонову же он предлагал объяснить, что «правительство, употребляя все возможные способы к распространению христианской веры, никак не намерено употреблять способы понуждения». Сперанский советовал Голсонову не спешить со сменой привычек, одежды и быта на русский манер, показать «уважение к народным родовым обычаям», чтобы не раздражать сородичей и не разжигать тем самым внутреннюю вражду [Вагин 1872, с. 276–278].

Отдельным потоком жалоб во время ревизии были жалобы на торговые монополии, причиной которых послужили в основном стоворы торговцев с чиновниками. Сибирский комитет в 1821 г. признал торговые монополии и ограничения в торговле одной из основных причин злоупотреблений и препятствий для местного хозяйства [Вагин 1872, с. 99, 103, 121–122, 128]. В ходе ревизии была выявлена неэффективность мер по ограничению торговли в ясачных ведомствах, торговых контактов с русскими купцами. Еще до принятия «Устава об управлении инородцев», в 1819 г., Сперанский ввел в действие «Подтвердительные правила о свободе

внутренней торговли», отменявшие все ограничения в торговле (торговать с ясачными запрещалось только чиновникам) и разрешавшие, в частности, неограниченный въезд с торговыми целями в места жительства ясачных. Снимались также все ограничения на торговлю самих ясачных в городах и селах [Залкинд 1970, с. 100–101].

Общей проблемой, выявленной ревизией Сперанского, была неупорядоченность норм управления ясачным населением. Инструкции, данные майору Щербачеву в 1763 г. в качестве основного законодательного акта по управлению инородцами, как указывалось на заседании Сибирского комитета в 1822 г., существенно устарели. Многие племена изменили свой образ жизни, хозяйственную деятельность. При этом Инструкция 1763 г. включала общие правила управления для всех инородцев, не учитывала особенности образа жизни и хозяйства и, будучи весьма краткой, не содержала необходимых деталей управления. Комитет указывал, что должности инородческих начальников не определены должным образом, их управление является произвольным. Проблемой стало и распределение ясака, поскольку он до сих пор производился по расчетам 1763 г. Кроме того, пушной зверь в значительной мере истреблен, и расчет ясака в пушнине и денежных соответствиях приводил только к злоупотреблениям. Ограничение на торговлю, вводимое Инструкцией 1763 г., отмечал Комитет, также устарело. Проблемой стало судопроизводство у инородцев, поскольку основывалось на «сложных и разнообразных преданиях», которые «не определены и не приведены в известность». Многочисленные тяжбы между самими инородцами и их обращения в суды были вызваны зачастую неопределенностью «родовых обычаев». Государственные же суды вовсе не знали и не принимали этих обычаев [Прутченко 1899, Приложения, с. 175–179].

На все перечисленные проблемы и вызовы должен был дать ответ «Устав об управлении инородцев», разработанный под руководством М. М. Сперанского и утвержденный 22 июля 1822 г.

«Устав об управлении инородцев» 1822 г. сочетает в себе два управленческих видения — ближайшее и отдаленно-перспективное. Главная конечная цель Устава — полная интеграция сибирских инородцев в Российскую империю. Однако, вполне реалистично полагая, что это достаточно отдаленная цель, авторы Устава считали, что приближаться к ней надо постепенно и осторожно. Отсюда — вторая цель, так сказать, более тактическая — обеспечить автономию инородческих сообществ.

Объектом управления, на который распространялись положения Устава 1822 г., были «все обитающие в Сибири инородные племена, именуемые поныне ясачными» [Устав об управлении инородцев, с. 394–395]. Устав осуществил классификацию всех «ясачных инородных племен» с тем, чтобы для каждой категории разработать свой порядок управления. В основу классификации инородцев Устав положил два критерия: 1) «по различному степени Гражданского их образования»; 2) «по настоящему образу жизни». Таким образом, вводились сразу два критерия категоризации, распределения ясачных — и «стадиальный», в духе идей Просвещения, и хозяйственно-культурный («обычай», «быт», о чем мы писали выше), приспособленный к особенностям территории проживания. Эта классификация сразу по двум критериям отражает и две указанные цели устава — проложить более-менее отдаленную стратегию интеграции-унификации и гарантировать сохранение специфики образа жизни и институтов в ближайшей перспективе.

Классификация в Уставе двухуровневая. Выделяются три основных «разряда» инородцев, а внутри основных разрядов — своего рода «подкатегории» [Устав об управлении инородцев, с. 394].

Первый разряд — «оседлые», т. е. «живущие в городах и селениях» инородцы. Они разделяются на 4 «подкатегории»: 1) «торговые»; 2) «земледельцы»; 3) «малочисленные роды, обитающие смешанно с россиянами»; 4) «инородцы, издавна в работах у поселян живущие».

Второй разряд — «кочевые», т. е. «занимающие определенные места, по временам года переменяемые», которые разделяются на следующие «подкатегории»: 1) «кочующие земледельцы» (среди примеров этой «подкатегории» приводится подробный список территориальных групп бурят (видно, что авторы Устава были хорошо с этим вопросом знакомы, здесь перечислены буряты хоринские, селенгинские, аларские, кудинские и верхоленские)); 2) «южные скотоводы и промышленники» (здесь в качестве примеров названы, в частности, тункинские, китойские, ольхонские и нижнеудинские буряты, нижнеудинские и селенгинские тунгусы, нерчинские инородцы); 3) северные скотоводы и промышленники (среди примеров присутствуют баргузинские тунгусы).

Третий разряд — «бродячие или ловцы» — «переходящие с одного места на другое по рекам и урочищам». В этом разряде «подкатегорий» не выделено.

Таким образом, судя по спискам народов и территориальных групп, большая часть бурят уже в Уставе отнесена к разряду кочевых в двух «подкатегориях» — «кочующих земледельцев» и «южных скотоводов и промышленников».

В разделении на разряды мы можем видеть отголоски классификаций академических этнографов — И. Г. Георги, например. Уместно упомянуть, что Сперанский в ходе своего непродолжительного генерал-губернаторства продолжал активно читать научные труды и знакомиться с Сибирью не только лично, но и по сочинениям ученых. М. М. Геденштром, чиновник (в то время верхнеудинский земский исправник) и исследователь Сибири, жалуется в письме, что Сперанский «зачитал» у него книгу Георги [Вагин 1872, с. 79].

Уставом предполагалось произвести распределение по вводимым разрядам в течение года после его выхода, а в дальнейшем делать это при каждой переписи. Эта обязанность возлагалась на гражданских губернаторов и коллегиальные органы при них — губернские советы. Тем самым в Устав закладывалась важная управленческая новация — предусматривалась динамика, законодательно определялась обязательность своевременного учета в типе управления изменений, происходящих с инородцами, их образом жизни и занятиями [Устав об управлении инородцев, с. 394–395].

Какие именно группы подлежали периодической категоризации? Можно сказать, что была выбрана единица среднего уровня — род. В Уставе сказано: «...Наблюдать вышеозначенное разделение и каждый род относить к тому разряду, к ко- ему по образу жизни он принадлежит» [Устав об управлении инородцев, с. 394]. Таким образом, не отдельный индивид, не семья и не народ в целом должны были стать учетной единицей при регулярном распределении по разрядам и соответственно типам управления.

Поскольку хозяйство часто бывает комплексным, Устав указывал, что при распределении необходимо ориентироваться на основное занятие инородцев, а не

на случайное или временное. Указано, например, что, если кочевые инородцы только начинают заниматься земледелием, не нужно их включать в число кочующих земледельцев [Устав об управлении инородцев, с. 395].

В духе сословного конструирования Устав законодательно установил «права и обязанности» и особый тип управления для каждой категории инородцев.

Оседлые инородцы уравнивались по правам и обязанностям «с россиянами» — в зависимости от того, в какое сословие они вступят. Управление ими должно было осуществляться на основании общих узаконений. Но все же их особое положение отражено в Уставе. Если они отличаются верой, т. е. не являются православными, то именуются «оседлыми иноверцами». Иноверцы-торговцы могут также записываться в сословия мещан или купцов (соответственно — в гильдии), подчиняясь определенным правилам. При этом они могут создавать и свое управление — ратушу, суды, старост и пр., образуя тем самым своего рода сословную инородческую подкатегорию в сословиях купцов. Оседлые земледельцы включаются в категорию государственных крестьян с общим с крестьянами управлением — губернским, уездным (нижние уровни не указаны), с теми же общими податями и повинностями. Но это включение неполное. Кроме получения особого наименования «оседлые» иноверцы освобождались от рекрутской повинности. Оседлые инородцы могли создать свою отдельную волость или быть включены в состав существующей русской волости. Другие подкатегории «оседлых земледельцев» на тех же основаниях включались в категорию государственных крестьян, сохраняя там некоторую обособленность [Устав об управлении инородцев, с. 395–396, 399]. Тем самым можно констатировать, что Устав внутри сословия (или состояния) государственных крестьян, не приравняв их окончательно по всем критериям, ввел своего рода «подсословие» «оседлых иноверцев».

Что касается разряда «кочевых инородцев», то они определялись в Уставе как «особенное сословие». То есть Устав в отношении этого разряда, к которому собственно и отнесены в его тексте буряты, прямо вводит термин «сословие» (п. 24 Устава). По сути этот разряд-сословие нормирован на основании тех данных, которые получены Сперанским и его помощниками о бурятах и в особенности о бурятах-хоринцах. Это констатировал В. И. Вагин в 1872 г. [Вагин 1872, с. 270]. Автор конца XIX в., изучавший хоринцев, писал, что Устав 1822 г. мало изменил быт хоринцев. Так произошло во многом потому, что сам Устав в значительной своей части разрабатывался на основании особенностей быта хоринцев [Хори-буряты 1899, с. 60]. К этим же выводам пришли и современные авторы, исследовавшие сибирскую реформу Сперанского [Hundley 1984, p. 240–241]. Собственно, большая часть Устава посвящена именно конструированию разряда / сословия кочевых инородцев. Основой подход Устава в этом разделе — подчеркнуто охраняющий, консервативный, оберегающий автономию и сложившийся образ жизни. Так, Устав сразу же заявляет относительно этого разряда-сословия, что «кочующие инородцы остаются вообще на прежних их правах» (п. 25). Устав гарантирует, что даже с увеличением хлебопашества кочевые инородцы не будут «против воли их обращаемы в звание крестьян и вообще без собственного их желания не будут включены ни в какое другое сословие» (п. 25). В этом видится некоторое противоречие с положением об общей после каждой ревизии бюрократической процедуре по переопределению разрядов родовых групп инородцев. В дальнейшем при реализации Устава это противоречие скажется, в частности, в Байкальском регионе.

За кочующими инородцами Устав — в полном соответствии с прежними нормативными актами начиная с договоров Ф. А. Головина конца XVII в. и инструкций С. Л. Владиславича-Рагузинского начала XVIII в. — закреплял «во владении» их земли. Субъектом владения объявлялось «поколение» — как мы указывали выше, территориально-родоплеменная группа, ставшая у бурят основой «ведомств». При этом Устав обязывал местные власти провести межевание — подробно определить «окружность», которой владеет каждое племя. И в согласии с уже ставшей традицией нормой Устав в отношении ясачных устанавливал, что «строго запрещается россиянам самовольно селиться на землях, во владение инородцам отведенных». При этом допускалась аренда, но с согласия общества инородцев [Устав об управлении инородцев, с. 396].

В части самоуправления инородцев Устав предусматривал формирование для каждого племени кочевых инородцев своего Степного управления во главе с родоначальниками и «почетными людьми» [Устав об управлении инородцев, с. 396]. Устав полностью легитимизировал существующую элиту кочевых инородцев, в том числе бурятских тайшей, шуленг, зайсанов. Их статус определялся соответствующими «степными обычаями и законами». В важном вопросе — о способе занятия должности в инородческом управлении любого уровня — Устав допускал неопределенность и легитимизировал два пути: как наследование, так и избрание — в зависимости от принятого порядка. Женщины исключались из наследования должностей. Как целое почетные кочевые инородцы не имели по Уставу дворянского статуса, но могли получить его в индивидуальном порядке [Устав об управлении инородцев, с. 398, 403].

В сословном управлении кочевых инородцев Устав создавал три уровня общностей и соответственно три иерархических уровня должностей. Низовой уровень — улус — объединял не менее 15 семейств во главе с «родовым управлением», старостой и двумя его помощниками «из почетных и лучших родовичей». Староста занимал должность по наследству или по выбору, но помощники — только по выбору. Несколько улусов объединялись в *род* во главе с «инородной управой», состоящей из головы, двух выборных и, по возможности, письмоводителя. Если голова занимал должность, как уже заведено, по наследству или выбору, то двое выборных в соответствии с их названием — только по выбору членов рода. Для некоторых кочевых инородцев — там, где отдельные роды соединены «в одну общую зависимость» (тут Устав приводит как раз пример бурят), — создается третий уровень управления — *степная дума*. Указано, что степными думами заменяются степные конторы. Степная дума состоит из главного родоначальника (тайши и т. п.) и заседателей — родовых тайшей, зайсанов, шуленг, являющихся головами в своих родах. Обязанности думы — хозяйственные дела, учет населения, раскладка сборов, ходатайства перед начальством о нуждах родичей. Дума подчиняется учрежденным в Сибири окружным управлениям. Гражданский губернатор обязан или сам лично ежегодно посещать стойбища инородцев и принимать от них жалобы, входить в дела, или назначить для этого специального доверенного чиновника [Устав об управлении инородцев, с. 400–401, 410]. Что касается взаимодействия инородцев с местной имперской администрацией, то Устав 1822 г., следуя уже традиционной линии центрального правительства на ограничение этих контактов, четко регламентировал случаи, когда чиновники могли въезжать в инородческие кочевые улусы, и частоту этих разъездов, которые не должны были быть частыми (параграфы 237, 238, 244, 245).

Отметим, что на всех уровнях Уставом вводился элемент выборности и коллегиальности (помощники, выборные) в инородческом управлении, что по замыслу должно было составить некоторый противовес единоличной власти родоначальника. Тем самым Устав реагировал на выявленные в ходе ревизии злоупотребления родоначальников [Устав об управлении инородцев, с. 400–401]. Сохранялся в то же время и контроль сверху — со стороны государственных властей: все новые люди, занимающие должности старост, выборных, голов, заседателей в думах, окончательно утверждались гражданским губернатором, а главного родоначальника — генерал-губернатором. Эти же чиновники могли и удалять с должностей — в случае уголовного преступления и по просьбе родовичей, подтвержденной большинством голосов [Устав об управлении инородцев, с. 402]. Это последнее правило было еще одним механизмом усиления сообщества родовичей, уравнивающего единоличную власть наследственного или выбранного родоначальника. В Уставе видна явная тенденция уравновесить элитарные и единоличные институты инородческого управления эгалитарными, что также является одним из признаков конструирования сословных корпораций кочевых инородцев вообще и бурят в частности, возможно, бурят — в первую очередь. В этом отношении бралась за основу, корректировалась и далее обобщалась и тиражировалась безусловно хоринская модель.

Устав легитимизировал и систематизировал внутрисословный суд «кочевых инородцев», их судили по тяжким преступлениям за исключением уголовных дел, по «своим законам и обычаям, каждому племени свойственным». Разбирательство по уголовным делам (убийства, подделка денег, кража казенного имущества, «возмущение») должно было проводиться в присутственных местах по общегосударственным законам [Устав об управлении инородцев, с. 396].

Устав легитимизировал обычное право инородцев. Но, признавая, что степные обычаи и законы очень разнятся от племени к племени, часто неопределенны, Устав предписывал проведение работ по сбору, упорядочиванию, отсеиванию всего «дикого и жестокого», унификации и кодификации обычного права инородцев. После утверждения центральными властями и публикации (в том числе на языках кочевых инородцев) этот кодекс должен был стать основой жизни и судопроизводства. Положения этого кодекса должны приниматься к судопроизводству и в государственных присутственных местах [Устав об управлении инородцев, с. 398].

Устав тщательно регламентировал виды подати, способы их сбора, сопутствующую документацию. Обложение должно было соответствовать платежным возможностям. Ясак исчислялся по числу душ и состоянию хозяйства. Кочевые инородцы кроме платы ясака участвовали в губернских повинностях и содержании своего степного управления. Устав окончательно легализовал выплату повинностей деньгами. Сбор податей могли производить только родовые управления. Степные думы и родовые управления осуществляли внутреннюю раскладку податей по принятым внутренним правилам. Прием-сдача подати деньгами или в натуральном виде осуществлялась только по квитанции. Устав утверждал форму квитанции. Все сборы должны были записываться в специальные шнуровые книги. На «мягкую рухлядь», сдаваемую в качестве подати, устанавливалась постоянная цена на три года [Устав об управлении инородцев, с. 396, 412].

В части взаимодействия с внешним миром, кроме указанной выше возможности передачи земли в аренду, Устав допускал также наем кочевого инородца на

частные работы, но только с согласия родоначальника (если на годовые работы, то с разрешения земской полиции). Устав подтверждал свободу торговли инородцев и с инородцами (кроме алкоголя). Свобода торговли, наряду с денежным ясаком, была важным шагом в сторону горизонтальной интеграции инородцев, расширения контактов с представителями иных сословий. Строжайше запрещалась только торговля с инородцами чиновников — как источник монополий и злоупотреблений. Местное начальство должно было гарантировать свободу торговли и препятствовать монополизации [Устав об управлении инородцев, с. 396–397, 412]. Как в прежних нормативных актах, Устав определял необходимость учреждения ярмарок — мест для торговли и сбора податей. Они же — места для сугланов, «мирских собраний» кочевых инородцев. Во время суглана избирался особый староста, который следил за порядком, разбирал жалобы торгового характера. В дела на стойбищах он не имел права вмешиваться. Тем самым Устав вводил еще один важный институт управления выборного характера, а также определенное разделение власти, диверсификацию властных полномочий [Устав об управлении инородцев, с. 396–397, 402].

Важной интеграционной мерой было также разрешение инородцам отдавать детей в правительственные учебные заведения. Но при этом им гарантировалось право создавать и свои собственные (сословные по сути) учебные заведения [Устав об управлении инородцев, с. 396–397].

Устав, опять же продолжая нормотворческие традиции, подтверждал свободу вероисповедания и богослужения кочевых инородцев. Им разрешалось строить свои культовые сооружения, но только с разрешения гражданского губернатора. Важной нормой стало то, что Устав позволял крестившимся кочевым инородцам оставаться «на прежних правах», т. е. в их разряде-сословии. Православное духовенство в своей миссионерской деятельности могло действовать в отношении инородцев только «убеждениями и без малейших принуждений». Начальству также запрещалось допускать принудительное крещение. В то же время запрещалось и препятствовать крещению [Устав об управлении инородцев, с. 410].

Таким образом, Устав в «сохраняющем» своем аспекте по сути легализовал и систематизировал все те реалии, которые уже были у бурят, стали неотъемлемой частью их быта и самоуправления, завершив таким образом формирование сословия «кочевых инородцев» по примеру бурят. Устав сконструировал своего рода этносословную группу. Не случайно, учитывая центральное положение в этом конструкте группы бурят-хоринцев как своего рода модельной, анонимный автор конца XIX в., знаток хоринских дел, сравнивает хоринцев с башкирами, которых также можно рассматривать как этносословную группу. «Хоринцы, — пишет он — подобно башкирам, являются особо привилегированным народцем» [Хори-буряты 1899, с. 120–121].

Третий разряд — «бродячие инородцы» — по правам и обязанностям приравнивался к «кочующим», но с некоторыми изъятиями в части землепользования, налогообложения и самоуправления (более упрощенного) [Устав об управлении инородцев, с. 397]

Модель Устава 1822 г. М. М. Сперанского — следующий шаг имперской интеграции Байкальского региона, переход от своего рода модели косвенного управления к более системной, сословной, обобщающей модели. До Сперанского существовали отдельные, несистемные акты, оформлявшие отношения с той или иной

конкретной группой, в которых определялся их статус, что, впрочем, не означало, что в этих актах не было сходных тенденций, подобий в определении статусов. Однако в ходе реформы Сперанского, разработки и внедрения Устава «Об управлении инородцев» отдельно сконструированные статусы обобщались и описывались в новых сословных категориях. Сословная матрица вбирала в себя разнообразное инородческое население и сама развивалась в ходе этой адаптации. На наш взгляд, трактовка в Уставе 1822 г. разряда «кочевых инородцев» как сословия согласуется с обоснованным подходом Г. Фриза в его исследовании о сословиях России, их формировании в XVIII–XIX вв. В своих выводах Г. Фриз, в частности, констатировал: «Несмотря на определенные тенденции к укрупнению и консолидации (преимущественно среди привилегированных слоев), социальная структура не сводилась к четырем основным состояниям. Напротив, она оставалась исключительно сложной и разнообразной, составленной из многих групп, каждая из которых обладала особым статусом и представляла собой отдельное “сословие”» [Фриз 2000, с. 161]. В новейших исследованиях, касающихся статуса категории инородцев, разрабатываются близкие подходы. Так, в монографии Н. А. Ивановой и В. П. Желтовой инородцы трактуются как сословие [Иванова, Желтова 2010, с. 12–16, 657–718], а в статье А. Ю. Конева, основывающейся по большей части на материалах Западной Сибири, — как особое юридическое состояние, охватывающее сразу несколько сословных и этносословных групп [Конов 2014, с. 12–13]. Соглашаясь с А. Ю. Коновым, мы можем констатировать, что Устав 1822 г. моделировал бурят как этносословную группу «кочевых инородцев».

Важно также подчеркнуть, что, систематизируя прежние нормативные установки и сложившуюся практику, конструируя на этой базе сословный статус «кочевых инородцев», Сперанский тем не менее оставлял открытыми каналы межсословной интеграции — в том числе горизонтальной — возможность перехода в другие сословные группы (государственное крестьянство, мещанство, купечество, казачество) и создания там своего рода инородческих субсословий. По мнению члена Комиссии А. Н. Куломзина, через весь Устав проходит идея, согласно которой состояние «кочевое» и «бродячее» суть временные и рано или поздно кочевники должны перейти к земледелию и слиться с общеимперскими сословными категориями, прежде всего с крестьянским, и тогда элементы особенности в законодательстве будут излишни [Щербачев 1898, с. 89–93]. Но в равной мере в Уставе присутствует и идея сохранения в систематизированном корпоративно-сословном виде того, что есть, соответственно и относительной автономии инородцев. В Уставе мы видим своего рода два ракурса имперской интеграции — текущей, в виде особого сословия «кочевых» инородцев (и в целом приравненных к ним «бродячих»), включенного в общеимперскую систему, и последующей интеграции — в виде вхождения инородцев в другие сословные группы Российской империи. Утверждение Устава 1822 г. с его сословно-корпоративной моделью и других нормативных актов, разработанных под руководством Сперанского, означало, что Сибирь теперь в большей степени рассматривалась как интегральная часть России, а не как отдаленная колония.

Итак, «Устав об управлении инородцев» рождался в ходе непосредственной управленческой практики. М. М. Сперанский как своего рода «кризисный управленец» познакомился с внутренним устройством бурятского общества в ходе не-

посредственного решения дел, фактического временного управления одним из бурятских территориально-племенных сообществ — хоринцев Забайкалья. Вникая в дела этого сообщества, отдавая распоряжения, формируя новые органы самоуправления, он тем самым создавал своего рода первичную матрицу будущего обобщающего нормативного документа — «Устава об управлении инородцев». Этот основополагающий для народов Сибири и их взаимодействия с Российским государством документ родился не в тиши кабинета, а в ходе конкретной управленческой практики, во взаимодействии с самими бурятами и их лидерами. Этим во многом определялась сила данного нормативного документа, который вопреки многочисленным попыткам его ревизовать и отменить фактически продолжал действовать до начала XX в., а в некоторых своих положениях и в дальнейшем. Сила Устава 1822 г. заключалась в том, что он в отличие от многих других актов не ломал существующих, проверенных структур жизни и управления, а лишь упорядочивал их, осторожно вписывая сложившиеся практики в утверждавшуюся в России в тот период общеимперскую сословную парадигму. В целом законодательный документ, подготовленный М. М. Сперанским, весьма успешно решал одновременно две задачи: с одной стороны, имперской интеграции «инородцев», с другой — сохранения их относительной автономии в образе жизни и социокультурной сфере. Он ограждал от излишнего администрирования, легитимизировал уже сложившиеся и доказавшие свою эффективность структуры самоуправления. В то же время этот нормативный акт не замыкал инородцев («кочевых инородцев», т. е. прежде всего бурят) в узких сословных рамках, оставлял открытыми каналы межсословного взаимодействия и мобильности. В этом смысле — в своей ориентации на исторический опыт и социокультурные практики самих народов, стремлении опереться на них и в то же время умело их интегрировать в общее целое страны без прямой унификации, — «Устав об управлении инородцев» М. М. Сперанского был и остается одним из наиболее эффективных нормативных актов своего времени, как и последующих периодов истории России.

Источники и литература

- Балданов С. С. Административное управление Российским государством Бурятией (конец XVII — начало XX века). Улан-Удэ: Изд-во Восточно-Сибир. гос. ун-та технологий и управления, 2005. 134 с.
- Бахрушин С. В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. (Исторический очерк) // Советский Север. 1929. № 1. С. 66–97.
- Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. Т. 1. СПб.: В Типогр. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1872. X+801 с.
- Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина комиссия для исследования земледелия и землепользования в Забайкальской области: материалы. Вып. 5. Исторические сведения / сост. А. Щербачев. СПб.: Гос. типогр., 1898. 325 с.
- Дамешек Л. М. Устав об управлении инородцев М. М. Сперанского и Г. С. Батенькова // Памяти декабристов. Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 1975. С. 21–46.
- Дамешек Л. М. Буряты в административной системе империи (конец XVII — середина XIX в.) // Вестн. Бурятск. гос. ун-та. 2012. № 7. С. 104–108.
- Залкинд Е. М. Общественный строй бурят в XVIII — первой половине XIX в. М.: Наука, 1970. 400 с.
- Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи (XVIII — начало XX века). М.: Новый хронограф, 2010. 742 с.
- Качанов В. Н. Буряты Прибайкалья в составе России: эволюция административно-территориального устройства // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2006. Иркутск: Изд-во Байкальск. гос. ун-та, 2006. С. 24–36.

- Конев А. Ю. «Инородцы» — сословный проект империи: сибирская версия // Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII — начало XX века): сб. материалов Всерос. науч. конф. / отв. ред. М. В. Шиловский. Новосибирск: Параллель, 2014. С. 6–19.
- Конев А. Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII — начало XX в.) / Институт этнологии и антропологии РАН. М.: Изд. Института этнологии и антропологии РАН [б.и.], 1995. 220 с.
- Миненко Н. А. Очерки по источниковедению Сибири XVIII — первой половины XIX в. Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. ун-та, 1981. 92 с.
- Мурзина А. И. Реформа Сперанского в Западной Сибири // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1950. № 115, вып. 1. С. 101–116.
- Устав об управлении инородцев // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. XXXVIII. 1822–1823. СПб.: Типогр. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 394–417.
- Прутченко С. М. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки. СПб.: Типогр. А. С. Суворина, 1899. IV, 407 с.
- Прутченко С. М. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки. Приложения. СПб.: Типогр. А. С. Суворина, 1899. VIII, 532 с.
- Светличная Л. И. «Устав об управлении инородцев» М. М. Сперанского (1822 г.) // Учен. зап. Тюменск. гос. пед. ин-та. 1957. Вып. 1. С. 5–73.
- Фриз Г. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Имперский период: антология / под ред. Дэвид-Фокс. М.; Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. С. 121–162.
- Хори-буряты (по поводу предполагаемых преобразований). СПб.: Типо-литогр. Ю. А. Мансфельд, 1899. IV+176 с.
- Хоч А. А. Административная политика М. М. Сперанского в Сибири и «Устав об управлении инородцев» 1822 года // Вестн. Моск. ун-та. Сер. История. 1990. № 8. С. 40–49.
- Шашков С. С. Сибирские инородцы в XIX столетии // Шашков С. С. Собр. соч. Т. 2. СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1898. С. 548–632.
- Hundley H. S. Speransky and the Buriats. Administrative reform in nineteenth century Russia: Dis. PhD in History. University of Illinois at Urbana-Champaign. Urbana (Illinois), 1984. XIII, 286 p.

References

- Baldanov S. S. *Administrativnoe upravlenie Rossiiskim gosudarstvom Buriatiet (konets XVII — nachalo XX veka)* [Buryatia under Russian rule (late 17th — early 20th century)]. Ulan-Ude, East Siberia State University of Technology and Management Press, 2005, 134 p. (In Russian)
- Bahrushin S. V. Sibirskie tuzemtsy pod russkoi vlast'iu do revoliutsii 1917 g. (Istoricheskii ocherk) [Siberian natives under Russian rule until the revolution of 1917 (Historical Review)]. *Sovetskii Sever* [The Soviet North], 1929, no. 1, pp. 66–97. (In Russian)
- Vagin V. I. *Istoricheskie svedeniia o deiatel'nosti grafa Speranskogo v Sibiri s 1819 po 1822 g.* [Historical data on activities of Count Speransky in Siberia from 1819 to 1822]. Vol. 1. St. Petersburg, v Tipografii II Otdeleniia Sobstvennoi E. I. V. Kantseliarii [In Print. House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery], 1872, X, 801 p. (In Russian)
- Vysochaishe uchrezhdeniia pod predsedatel'stvom stats-sekretaria Kulomzina komissiiia dlia issledovaniia zemlevladieniia i zemlepol'zovaniia v Zabaikal'skoi oblasti: Materialy. Vyp. 5. *Istoricheskie svedeniia* [The Highest established under the chairmanship of State Secretary Kulomzin Commission for study of land tenure and land use in the Trans-Baikal region: Materials]. Issue 5. Historical data. Ed.-comp. by A. Sherbachev. St. Petersburg, State Print. House, 1898, 325 p. (In Russian)
- Dameshek L. M. Ustav ob upravlenii inorodtsev M. M. Speranskogo i G. S. Baten'kova [The Native Statute of M. M. Speransky and G. S. Batenkoff]. *Pamiati dekabristov* [In memory of Decembrists]. Irkutsk, Irkutsk State University Press, 1975, pp. 21–46. (In Russian)
- Dameshek L. M. Buriaty v administrativnoi sisteme imperii (konets XVII — seredina XIX vv.) [Buryats in the administrative system of the empire (late 17th — the middle of 19th century)]. *Vestnik of Buryat State University*, 2012, no. 7, pp. 104–108. (In Russian)
- Zalkind E. M. *Obshchestvennyi stroi buriat v XVIII — pervoi polovine XIX v.* [The Buryats' social system in 19th — the first half of the 19th century]. Moskow, Nauka Publ., 1970, 400 p. (In Russian)

- Ivanova N. A., Zheltova V. P. *Soslovnoe obshchestvo Rossiiskoi imperii (XVIII — nachalo XX veka)* [Estate Society of Russian Empire (18th — early 20th century)]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2010, 742 p. (In Russian)
- Kachanov V. N. Buriaty Pribaikal'ia v sostave Rossii: evoliutsiia administrativno-territorial'nogo ustroistva [Baikal Buriats within Russia: evolution of administrative-territorial system]. *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik* [Irkutsk historic-economical yearbook]. 2006. Irkutsk, Baical State University Press, 2006, pp. 24–36. (In Russian)
- Konev A. Yu. «Inorodtsy» — soslovnyi proekt imperii: sibirskaiia versiia [Inorodcy (Natives) — Empire Estates Project: Siberian version]. *Soslovnye i sotsiokul'turnye transformatsii naseleniia Aziatskoi Rossii (XVII — nachalo XX veka)* [Estates and social-cultural transformations of the Asian Russia population (17th — early of 20th century)]. Proceedings of all-Russian Conference. Ed. by M. V. Shilovskii. Novosibirsk, Parallel' Publ., 2014, pp. 6–19. (In Russian)
- Konev A. Yu. *Korennyie narody Severo-Zapadnoi Sibiri v administrativnoi sisteme Rossiiskoi imperii (XVIII — nachalo XX v.)* [Native peoples of North-West Siberia in Russian Empire administrative system (18th — early 20th century)]. Moscow, Ed. of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences [s.n.], 1995, 220 p. (In Russian)
- Minenko N. A. *Ocherki po istochnikovedeniiu Sibiri XVIII — pervoi poloviny XIX v.* [Essays on source study of Siberia, 18th — first half of 19th century]. Novosibirsk, Novosibirsk State University Press, 1981, 92 p. (In Russian)
- Murzina A. I. Reforma Speranskogo v Zapadnoi Sibiri [Speransky's Reform in Western Siberia]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Leningrad State University], 1950, no. 115, Issue 1, pp. 101–116. (In Russian)
- Ustav ob upravlenii inorodtsev [The Native Statute]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii* [Complete Collection of the Russian Empire Laws] (PSZRI). Vol. XXXVIII. 1822–1823. St. Petersburg, v Tipografii II Otdeleniia Sobstvennoi E. I. V. Kantseliarii [In Print. House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery], 1830, pp. 394–417. (In Russian)
- Prutchenko S. M. *Sibirskie okrainy. Oblastnye ustanovleniia, sviazannye s sibirskim uchrezhdeniem 1822 g., v stroe upravleniia russkogo gosudarstva. Istoriko-iuridicheskie ocherki* [Siberian margin. Regional laws linked with Siberians rules of 1822 in Russian governance. Historical and legal essays]. St. Petersburg, A. S. Suvorin Print. House, 1899, IV, 407 p. (In Russian)
- Prutchenko S. M. *Sibirskie okrainy. Oblastnye ustanovleniia, sviazannye s sibirskim uchrezhdeniem 1822 g., v stroe upravleniia russkogo gosudarstva. Istoriko-iuridicheskie ocherki. Prilozheniia* [Siberian margin. Regional laws linked with Siberians rules of 1822 in Russian governance. Historical and legal Essays. Supplements]. St. Petersburg, A. S. Suvorin Print. House, 1899, VIII, 532 p. (In Russian)
- Svetlichnaya L. I. “Ustav ob upravlenii inorodtsev” M. M. Speranskogo (1822 g.) [“The Native Statute” of M. M. Speransky]. *Uchenye zapiski Tiimenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Proceedings of Tumen State Pedagogical University], 1957, Issue 1, pp. 5–73. (In Russian)
- Freeze G. Soslovnaia paradigma i sotsial'naia istoriia Rossii [The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History]. *Amerikanskaia russistika. Vekhi istoriografii poslednikh let. Imperskii period* [Russian Studies in USA. Milestones in the historiography of recent years. Imperial period]. An anthology. Ed. by M. David-Fox. Moscow; Samara, “Samara University” Publ., 2000, pp. 121–162. (In Russian)
- Khori-buriaty (Po povodu predpolagaemykh preobrazovanii)* [Khori-Buryats (On forthcoming reforms)]. St. Petersburg, Print.-Lithogr. of Iu. A. Mansfel'd, 1899, IV, 176 p. (In Russian)
- Hoch A. A. Administrativnaia politika M. M. Speranskogo v Sibiri i «Ustav ob upravlenii inorodtsev» 1822 goda [M. M. Speransky's administrative politics in Siberia and “The Native Statute”]. *Vestnik of Moskov University. Series History*, 1990, no. 8, pp. 40–49. (In Russian)
- Shashkov S. S. Sibirskie inorodtsy v XIX stoletii [Siberian Native Peoples in the XIX century]. Shashkov S. S. *Collected works*. Vol. 2. St. Petersburg, Print. House of O. N. Popova, 1898, pp. 548–632. (In Russian)
- Hundley H. S. *Speransky and the Buriats. Administrative reform in nineteenth century Russia*: Diss. PhD in History. University of Illinois at Urbana-Champaign. Urbana (Illinois), 1984, XIII, 286 p.

Статья поступила в редакцию 6 декабря 2015 г.,
рекомендована в печать 26 января 2017 г.